

Наиль Исмаилов

*Посвящая памяти жены,
Венеры Мухаметшиновны*

Наши самые мелодичные песни – те,
которые передают самые
грустные мысли.

П. Шелли

197

глава
из книги

Забытая

МЕЛОДИЯ

Сстоял один из тех тёплых, солнечных дней, когда в воздухе витают тончайшие, приятно щекочущие обоняние ароматы ранней весны, характерные лишь для этого времени года. По прямой, словно струна, улице миллионного города-красавца твёрдой поступью размашисто шагал подтянутый, крепко сложенный, широкоплечий мужчина. Был он уже немолод, но полон сил: двигался легко и энергично, к тому же пел свои любимые, родные татарские песни о любви к Родине, к родному селу, к матери, к жизни, к женщине.

Часто напевал Марат Валиевич эти пленительные, чарующие, залиvistые

мелодии, затрагивающие самые тонкие сердечные струны, проникающие в самые сокровенные уголки человеческой души. Музыкальной грамоты он не знал – не было возможности выучиться, однако природа наделила его тончайшим музыкальным слухом и глубоким, бархатным баритоном. Марату Валиевичу достаточно было один раз услышать мотив песни, чтобы навсегда запомнить мельчайшие особенности его звучания.

Мелодии татарской песни успокаивали его в грустные часы, окрыляли в часы радостные, вводили от мрачных мыслей в моменты отчаяния. Давным-давно он пришёл к выводу, что народ-

ная песня, так же, как и пение птиц, способна создавать гармонию и даже излечивать тело и душу от серьёзных болезней.

Пел Марат Валиевич в любое время года, в любую погоду. Пел любимые песни в детстве, рядом с плакучими ивами, где на мелководе, на перекатах журчала, будто тоже пела свою вечную песню речка Новая. Пел, когда шёл на работу, когда возвращался домой, пел, когда занимался делами на даче. Пел для семьи, для друзей и родных. Пел вполголоса, если проходили мимо прохожие, пел громко, если не было вокруг посторонних. Однако больше всего любил петь в одиночестве. Только тогда Марат Валиевич мог свободно предаваться воле, силе песни, увлекаясь ею, никого и ничего не стесняясь. К сожалению, застенчивость, которую никак не получалось побороть, была присуща ему на протяжении всей жизни.

Слова народных песен были такие задушевные и искренние, такие понятные, правильные и близкие сердцу, а мелодии столь нежные и напевные, что могли растопить заледеневшую душу любого человека, даже самого сурового, обзлённого, жестокого.

В песне о родном селе поётся о бурной молодости, о широких лугах, пахнущих цветами, о рождении первых песен, о речке первозданной, в которой вода слаще, чем где-либо, о родных ветрах, свежих и тёплых, о лучезарном розовом рассвете, о пении певчих птиц, о том, что память о родимой стороне навсегда сохранится в сердце.

**Песня поётся, песня плывёт,
Придаёт мыслям высокий полёт.**

Известно, что татарские песни, особенно медленные, протяжные, затрагивают самые отдалённые, скрытые мембраны человеческой души. Они любимы не только татарами, но и представителями других народов и национальностей. О певучем, мягком, изящном колорите татарских песен с любовью отзывался в своём романе

«Тернистый путь» сын казахского народа Сакен Сейфуллин, талантливый поэт, прозаик, революционер, видный государственный и общественный деятель, впоследствии репрессированный и погибший в застенках НКВД.

Прекрасная мелодия и волшебные слова песни о родном селе разбудили в сердце Марата Валиевича воспоминания о детских и юношеских годах, о годах взросления, о годах памятных...

Видимо, это закономерно, что каждый человек, особенно если он уже в возрасте, мысленно окунается в волны воспоминаний о лучших временах. А лучшие времена – это, конечно же, детство, юность, молодость, пора расцвета и становления личности. Какие бы они ни были трудные, голодные, холодные, всё равно вспоминаются как самые дорогие, самые близкие к сердцу, незабываемые – одним словом, самые-самые! Ведь от этих лет веет сладостным, рыжевато-веснушчатым, звенящим, ромашково-подсолнуховым запахом далёкого голенастого детства...

Большое село, в котором родился и вырос Марат Валиевич, раскинулось на живописном берегу речки Новая. Жили здесь только татары, и было оно культурным центром и для других татарских селений и деревень, расположенных в округе.

Здесь имелаась большая библиотека, изба-читальня, а также татарская национальная школа-десятилетка, где получали знания более шестисот учеников не только из этого села, но и из прилегающих сёл и деревень.

Школьные учителя были подлинными носителями культуры. Они не только щедро передавали людям знания, но грамотно, мудро разрешали возникающие споры, различные конфликтные ситуации. Они организовывали школьную художественную самодеятельность, вместе с сельской молодёжью участвовали в спектаклях и концертах, были агитаторами во время выборов компаний. Кстати, выборы считались большим праздником и, как правило, проводились в здании школы.

В клубе, в избе-читальне всегда было многолюдно. Там часто спонтанно, стихийно возникали конференции: люди бурно обсуждали прочитанные книги и просмотренные кинофильмы. Одним словом, село жило насыщенной культурной жизнью.

С малых лет Марат Валиевич любил слушать песни. Уже и не вспомнишь, сколько ему было лет, когда он впервые услышал мелодии татарских песен. Наверное, ещё находясь в утробе матери, всеми фибрами души впитывал их волшебное звучание.

Человек, любовь, песня – понятия вечные, неразделимые. Пока человек жив, живёт и его любовь, его песня. Можно сказать, что вся жизнь человека – это его песня. И самые мелодичные, задушевные песни рождаются от любви к жизни, к родному краю, природе, лесам, полям, цветам, от любви к матери, женщине, детям. В песне, посвящённой матери, есть такие слова:

**Мелодии колыбельных песен твоих
И поныне ласкают мой слух.**

Душевно, проникновенно пела мама Марата Валиевича. Отец погиб в самом начале Великой Отечественной войны. Мать не верила известию о смерти мужа и долгие годы ждала возвращения любимого человека, надеялась, что произошла ошибка. Ведь немало было случаев, когда возвращались, спустя многие годы после окончания войны, солдаты, семьи которых получали чёрные похоронки.

Мама была настоящая певунья: пела, когда занималась домашними

делами, ухаживала за скотиной, шла на работу в колхоз. Чаще всего её песни были грустные, протяжные, негромкие – словно текла по равнине тихая река.

Маленькому Марату нравилось слушать, как затягивали песни на вечерних посиделках женщины, мамыны подруги. Зимние вечера длинные, тоскливые, вот и собирались они, вдовы фронтовиков, все вместе. Каждая занималась своим делом: одни чистили козий пух от волосков, другие пряли, третьи вязали неповторимой красоты мягкие, шелковистые пуховые платки. Окна домов, задолго до появления на селе электричества, уютно светились семилнейными, в лучшем случае, десятилейными, керосиновыми лампами.

Как же чудесно пели женщины! Голоса их журчали, словно ручейки, которые, сливаясь вместе, превращались в большую полноводную реку. Трудно, ох как трудно, жилось простым труженицам, вдовам-колхозницам: днём непосильная мужская работа в колхозе, вечерами – уход за домашней скотиной, ночью – рукоделье.

Далеко расположено родное село Марата Валиевича от таких крупных рек, как Волга, Белая, а песни об этих великих реках звучали часто. Волга на языке татар называется «Идель», а Белая – «Агидель». Одна из песен о Волге в переводе с татарского звучит так:

**Волга, Волга, Волга-река,
Ты глубока и широка.
Качающимся на волнах твоих
Лебединым парам равна.**

